

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: истоки и эволюция

© 2014

Д. Стрельцов

В статье рассматриваются роль и место некоторых проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями, включая проблему официальных извинений, проблему «женщин комфорта», а также проблему визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни.

Ключевые слова: Проблемы исторического прошлого, комплекс виктимности, «женщины комфорта», официальные извинения, визиты в храм Ясукуни, заявление Мураяма, лозунг «покончить с послевоенным режимом».

На протяжении всего послевоенного периода проблемы исторического прошлого занимали заметное место в международных отношениях послевоенной Японии со странами Восточной Азии. Особенно остро они проявились на фоне усилившегося позиционирования Японии в международном сообществе как «нормальной страны», т.е. государства, не обремененного конституционными и иными ограничениями в военном строительстве, а также ее стремления взять на себя роль мирового политического лидера.

Одна из главных претензий стран-соседей заключается в том, что Япония не понесла всей полноты ответственности за те злодействия, которые она совершила в период своего имперского прошлого. Особенно это касается периода Второй мировой войны, когда японская военная оккупация причинила огромные страдания народам Азии. С 1931 по 1945 гг. Япония вела агрессивную войну со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Японские войска оккупировали важные стратегические населенные пункты Китая и других стран. Имели место массовые убийства и многочисленные случаи проявления насилия, в том числе в отношении мирного населения, а также военнопленных.

Существует много оценок масштаба ущерба, причиненного народам Азии. Например, в Нанкине, согласно китайским источникам, в июле 1937 г. от рук японцев погибло более 300 тыс. мирных жителей, включая стариков и детей, а от 20 до 80 тыс. женщин было изнасиловано¹. Японские оценки числа жертв существенно более скромные, однако факт массовых убийств и изнасилований не подвергается сомнению и там.

Население оккупированных стран подвергалось насильственным трудовым мобилизациям. Во многих районах Китая японская военная оккупация спровоцировала массовый голод. Широкую международную известность получила деятельность специального подразделения японской армии — Отряда 731, который занимался в районе Харбина подготовкой бактериологической войны. Жертвы преступных опытов Отряда 731, среди которых были как китайцы, так и представители других стран, подвергались инфи-

---

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru. Тел.: 8 (495)433–2555.

цированию такими смертельными болезнями, как сибирская язва и бубонная чума. Есть свидетельство о том, что военнослужащие японской императорской армии перед самым окончанием войны выпустили в Харбине крыс, зараженных бубонной чумой, что привело в 1947 г. к гибели 30 тыс. китайцев².

Еще одним примером жестокости стало насильственное привлечение для нужд японской армии т.н. «женщин комфорта» (кореянок, филиппинок, голландок и др.) в качестве сексуальных рабынь. Проблема «женщин комфорта» стала в послевоенный период причиной серьезных дипломатических конфликтов Японии с Южной Кореей, а также Филиппинами и Нидерландами.

Между тем наказание, наложенное Международным военным трибуналом для Дальнего Востока и несколькими трибуналами в других странах на руководство Японии военного времени, коснулось в основном ограниченной группы высокопоставленных военных политиков и бюрократов. В конце 1970-х гг. Тодзё Хидэки и 13 прочих военных преступников класса А, в отношении которых Токийский трибунал вынес обвинительные приговоры, включая смертную казнь, были скрытно внесены в канонизированные списки японцев, погибших за родину на полях сражений, которые хранятся в синтоистском храме Ясукуни. От какой-либо ответственности был полностью освобожден японский император, который являлся главой государства в военный период.

Несмотря на большой масштаб репрессивной политики в отношении лиц, запятнавших себя сотрудничеством с милитаристским режимом (меры коснулись примерно 200 тыс. чел. и включали в себя широкий диапазон наказаний — от уголовной ответственности до запрета занимать общественные должности), политические чистки не затронули костяк гражданской бюрократии довоенного времени. Практически все осужденные лица, приговоренные к тюремному заключению, к концу 1950-х гг. в результате «обратного курса» США были амнистированы.

В этих условиях появился шанс для выдвижения нового поколения политической элиты из числа управленцев второго эшелона, занимавших достаточно важные посты в правительстве довоенного времени. Большинство крупных японских политических деятелей послевоенного периода не просто начинали карьеру, но и занимали крупные посты в государственном аппарате либо лояльных милитаристскому режиму политических партиях Японии военного времени. Среди них, например, можно назвать послевоенных премьер-министров Японии С. Ёсида, И. Хатояма, Н. Киси. В этом смысле ситуация коренным образом отличалась от той, что сложилась в Германии, где денацификация проводилась более радикальными мерами, а среди крупных общественных фигур послевоенного времени нет ни одной, занимавшей видное положение во времена нацистского прошлого.

Между тем многие из проблем исторического прошлого, ставших предметом конфликта в межгосударственных отношениях Японии с соседями, стали предметом разбирательства лишь в недавний по историческим меркам период. Даже проблемы, касающиеся Второй мировой войны, в первые послевоенные десятилетия не поднимались, а зачастую практически полностью замалчивались. Так, вопрос о «женщинах комфорта» как международно-политическая проблема появился лишь в начале 1980-х гг., проблема учебников истории — в конце 1970-х гг., проблема храма Ясукуни — в первой половине 1980-х гг. Существенное «запаздывание» с выдвижением вопроса об ответственности Японии создавало у многих азиатских народов ощущение, что Япония так и не понесла должного наказания за грехи военного времени.

В свою очередь среди существенной части японского общественного мнения сложилось представление о том, что видение истории, в котором Япония предстает в не-приглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности. Согласно распространенному мнению, японская армия продвигалась в 1930-е гг. в страны Азии, сражаясь за правое дело — освободить азиатские народы от бе-

льных колонизаторов. К тому же относительно слабые наказания японских военных преступников, назначенные Токийским военным трибуналом, в соответствии с этой точкой зрения, явились свидетельством того, что разговоры о зверствах японской императорской армии на материке есть досужие вымыслы³.

Установлению подобного взгляда способствовало то обстоятельство, что в большинстве стран, явившихся противниками Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия преобладала точка зрения о нецелесообразности привлечения излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма.

Так, в коммунистическом Китае в 1950–1960-е гг. критика Японии и даже напоминание о понесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными». Свою роль играло нежелание лишний раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить дипломатическое признание западных стран и в том числе Японии. Кроме того, в официальной китайской историографии японская военщина была отнюдь не самым опасным врагом — гораздо более страшным противником считался чанкайшистский режим. Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительно немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ было нельзя. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию Японию должен нести ответственность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ⁴.

Именно по этой причине крупные расследования преступлений японцев в 1950–60-е гг. в КНР практически не проводились. Не поднимал в переговорах с японцами Пекин и проблему reparаций, даже в период, когда накануне восстановления двухсторонних отношений у Китая было гораздо больше оснований ставить этот вопрос.

Вплоть до начала 1970-х гг. не поднимались многие из вопросов исторического прошлого, стоящих сейчас на политической повестке дня в японо-южнокорейских отношениях, и со стороны Сеула. Когда в 1965 г. решался вопрос о восстановлении дипломатических отношений, южнокорейская сторона с готовностью согласилась на заключение секретной сделки об оказании «финансовой помощи» объемом около 500 млн долл., которые рассматривались именно как помощь, а не reparации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности, однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи имел больше возможностей, чем с началом демократического времени, принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности. Уместно отметить, что предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи Сеулу позволил провести модернизацию инфраструктуры и по сути стал одним из факторов корейского экономического чуда. Но с точки зрения общественного мнения демократической Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на униительную сделку с японцами⁵.

Достаточно либеральным было отношение к историческим грехам Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это было связано с тем, что фокус внимания официальной американской историографии был сосредоточен на Тихоокеанской войне ('Pacific War'), т.е. операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сути, оказывались на периферии исследовательского интереса. Основную вину на Японию американцы возлагали за ее нападение на Пирл-Харбор, которое в их глазах перевешивало любые действия японских военных на материке. Некоторое освещение получила тема плохого отношения к военнопленным из армии США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их насилиственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях (следует признать, впрочем, что до уровня проблемы «жен-

щин комфорта», вставшей во весь рост с начала 1990-х гг., эта тема явно не дотягивала — сказывалось отношение к данному феномену как к неизбежному и явно не самому крупному злу военного времени).

Кроме того, свою роль в игнорировании проблемы преступлений японской императорской армии на материке играло то обстоятельство, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею «патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом Корейской войны).

Что касается Советского Союза, то по понятным причинам гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было уже эпизодом не Великой отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками. К тому же, в отличие от Китая и государств Корейского полуострова, СССР после подписания Совместной декларации 1956 г. считал все вопросы в двусторонних отношениях с Японией, связанные со Второй мировой войной, урегулированными, что не давало оснований заострять внимание на «нерешенности» проблем недавнего прошлого. Кроме того, сказывалась ситуация геополитического соперничества с Вашингтоном: по логике холодной войны, Москва продолжала питать надежду на то, чтобы оттянуть Японию от союза с США или хотя бы нейтрализовать ее. Поскольку политические отношения между двумя странами продолжали оставаться натянутыми, во многом из-за нерешенной проблемы мирного договора, создавать дополнительные препоны на пути размораживания этих отношений Москва не хотела. Свою роль играл и разгоравшийся в 1960-е гг. советско-китайский конфликт — чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. В этих условиях официальная советская историография воздерживалась от чересчур энергичной критики Японии за преступления военного времени, сосредоточив усилия на борьбе с призраком возрождающегося японского милитаризма.

В самой же Японии видение собственного неприглядного исторического прошлого в широком общественном сознании проявлялось в некритичном к нему отношении, в приукрашивании реального положения дел и нежелании решительно размежеваться с довоенной государственной системой. Свою роль играли национально-психологические особенности японской нации, которые председатель фонда Asia Foundation А. Хорват относит к числу причин того, что называют «коллективной амнезией»⁶. В их числе часто называется особая роль категории «стыда» и **большая**, по сравнению с европейцами, степень неготовности к признанию собственных ошибок и соответствующему покаянию, а также **большая** восприимчивость к риску «потери лица» в глазах окружающих. Кроме того, среди японцев считается «плохой манерой» вспоминать о собственных страданиях.

Однако относить все к фактору национальной психологии было бы неверно. В сфере внутренней и внешней политики имелись и другие причины.

Прежде всего, самокритике не способствовали те внешнеполитические условия, в которых Япония строила свою послевоенную дипломатию. Японии нужно было восстановить свои экономические позиции в странах Восточной Азии, а для этого — реабилитировать себя в глазах тамошнего общественного мнения. Поэтому азиатская дипломатия Токио во многом строилась на борьбе с нежелательной «исторической памятью». Была поставлена задача создать имидж Японии, от которой больше не исходит милитаристская угроза (именно эта идея, например, была одной из основных в азиатской доктрине Фукуда, выдвинутой в 1977 г.). В этом заключалось отличие Японии от послевоенной

Германии, которая позиционировала себя как государство, не являющееся преемником довоенного нацистского режима и не боящееся использовать идею активного отрицания нацистского прошлого для создания своего имиджа за рубежом.

Другим отличием от Германии явилось то, что негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому сочеталось с психологическим комплексом виктимности, т.е. ощущением собственного страдания.

Существует несколько причин устойчивости комплекса виктимности, самопроявившегося в нескольких послевоенных поколениях японцев. В период оккупации санкции оккупационные власти США поддерживали тезис о нации-жертве с целью ослабить враждебность со стороны населения и повысить степень управляемости страной. Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением, что подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма⁷.

Этот же подход естественным образом легитимировал императора Хирохито, образ которого усилиями правящей элиты при одобрении американской оккупационной администрации удалось отделить от мрачного облика милитаристского режима. По мнению проф. Лейденского университета Р. Керстен, в этом проявился «пораженческий ревизионизм», основанный на консенсусе между японскими консервативными элитами и американскими властями⁸.

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неописуемые страдания, а потому уже с лихвой окупил свои грехи. Из 74 млн. населения Японской империи в ходе войны погибло около трех млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, а страдания «хихакуся» продолжались протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весны-лета 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Помимо комплекса виктимности, повлияла на восприятие массовым сознанием итогов Второй мировой войны и либеральная политика американских оккупационных властей, которые, борясь с коммунистической угрозой, фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, отказавшись от масовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью или частично освободив представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия Сан-Францисского мирного договора, по которым Япония практически полностью освобождалась от reparаций.

Относительно умеренные по сравнению с Германией, результаты послевоенных политических чисток, наряду с восприятием японской вины во Второй мировой войне через призму собственной виктимности, давали многим японцам основания ощущать себя жертвой в не меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. Некоторые исследователи считают, что это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам⁹.

Комплекс виктимности поддерживался как трудами консервативных ученых, так и усилиями официальных властей, которые периодически ставили вопрос о необходимости

сти усиления «патриотического воспитания» в стране. Особый упор делался на те факты истории Второй мировой войны, которые подтверждали тезис о несправедливом отношении к Японии со стороны стран коалиции. Широкое распространение получила теория о том, что Токийский трибунал являл собой «суд победителей», а его решения были изначально необъективны. Осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы. Характерным в этом смысле является заявление министра финансов Ё. Нода, сделанное им в августе 2011 г., который сказал, что канонизированные в храме Ясукуни военные преступники класса А «больше не являются военными преступниками», поскольку они уже понесли должную ответственность судебным порядком (были помилованы, освобождены после отбытия тюремного срока или казнены)¹⁰.

Интересно, что комплекс виктимности проявлялся и в отношениях Японии с Советским Союзом, а именно — в подходе официального Токио к проблеме «северных территорий». Япония продолжала придерживаться позиции, что ялтинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она является пострадавшей стороной в территориальном конфликте с Москвой. Через призму виктимности воспринималось большинством японских историков и вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. В этом многие японцы видели лишь свидетельство вероломства и величайшей несправедливости (вспоминается нарушение Москвой Пакта о нейтралитете), а вовсе не историческое событие, позволившее существенно ускорить конец Второй мировой войны. (Разительным контрастом было в этом плане отношение многих японцев к атомным бомбардировкам Японии американцами, которые воспринимались именно как подобное событие)¹¹.

Виктимизированный менталитет японцев является собой любопытный феномен. Казалось бы, виктимность должна порождать реваншизм, о чем свидетельствует исторический опыт Веймарской республики. Однако в реальности комплекс виктимности играл диаметрально противоположную роль на разных этапах послевоенной истории Японии. В первые послевоенные десятилетия виктимность, скорее, подпитывала пацифизм в общественном сознании, выступая своего рода политическим ресурсом для оппозиционно настроенных сил левой и центристской ориентации. Это не могла не учитывать и правящая партия, претендовавшая на роль общенациональной политической силы: даже при относительном преобладании в ЛДП мнения о необходимости пересмотра конституции вопрос о внесении в нее поправок даже не был поставлен в политическую повестку дня.

В то же время, начиная с конца 1970-х гг., когда набравшая экономическую мощь Япония стала все активнее позиционировать себя как держава регионального и даже глобального уровня, комплекс виктимности стал играть уже в пользу исторического ревизионизма, проявлениями которого стали призывы «подвести итоги» послевоенной политики, изменить конституцию, навязанную стране американцами, возродить полноценные вооруженные силы и стать «нормальным государством». Как отмечал профессор университета Кэйо Ё. Соэя, «сочетание исторического ревизионизма и «активной дипломатии», ориентированной на западные ценности, является продуктом травмы сознания, нанесенной Японии в результате поражения в войне и последующего периода оккупации, которые, как считают многие, привели к феномену «недостаточной независимости» послевоенной Японии»¹².

В международно-политическом плане проблема исторической памяти нередко проявляла себя на протяжении всего послевоенного периода в вопросе об официальных извинениях. Япония стремилась к тому, чтобы вопрос об извинениях, причем не только в отношении периода Второй мировой войны, но и более раннего времени, включая период второй половины XIX в., когда Япония проводила экспансионистскую политику на

Корейском полуострове, не находился в отношениях с восточноазиатскими соседями в центре политической повестки дня.

Между тем Китай в своих отношениях с Японией периодически придавал вопросу об извинениях особое значение. В рамках китаецентристской вассально-даннической системы внешнее проявление церемониала оказывается существенно более важным, нежели содержательная сторона этих отношений. Как отмечал российский исследователь Г.Ф. Кунадзе, огромное значение имеет не только факт извинения, но и место и время, выбранные для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой оно принято¹³. Характерной в этом смысле была позиция Китая в 1972 г. на переговорах в Пекине по восстановлению отношений. Китай тогда потребовал от японской стороны однозначного покаяния за военное прошлое. Но выбранная японским премьер-министром К. Танака форма извинения, выраженная во фразе «Извините за доставленное беспокойство», чуть не сорвала переговоры, вызвав резкое неприятие и даже гнев со стороны представлявшего Китай Чжоу Эньляя. Лишь Мао Цзэдун смог «примирить» двух премьеров, призвав их «смотреть в будущее и не оглядываться назад»¹⁴.

С начала 1980-х гг. японские руководители более десяти раз выражали в различных формах и по различным случаям извинения в адрес азиатских народов. Особенно актуальность проблемы извинений выросла с началом 1990-х гг., когда Япония поставила перед собой задачу существенно повысить свою глобальную политическую роль, для решения которой нужно было заручиться поддержкой азиатских стран (Япония позиционировала себя как представителя Азии в Большой восьмерке, в ООН и иных международных форматах). Сразу несколько японских премьер-министров выступили с заявлениями, осуждающими милитаристское прошлое страны. Так, М. Хосокава в своей речи 15 августа 1993 г. на ежегодной церемонии, посвящённой окончанию Второй мировой войны, признал, что война, которую вела Япония, была агрессивной. Это было первое за всю послевоенную историю признание подобного рода — ранее японские официальные лица предпочитали вообще не использовать термин «агрессия».

15 августа 1995 г. глава кабинета министров социалист Т. Мураяма, выступая на церемонии в честь годовщины окончания войны, заявил: «В период не столь далекого исторического прошлого Япония, проводя ошибочную государственную политику, пошла по пути к войне, которая привела японскую нацию к роковому кризису. Действуя путем установления колониального господства и агрессии, Япония нанесла огромный ущерб и страдания многим странам, и особенно народам Азии»¹⁵. Японский премьер-министр выразил далее чувство глубокого раскаяния и выразил искренние извинения за содеянное.

Заявление Мураямы считается на сегодняшний день наиболее сильным высказыванием лидера японского государства, выражющим осуждение темных сторон исторического прошлого страны. Главное его значение заключалось в том, что признание вины за ошибки прошлого позволяло Японии заложить более прочные основания под ее отношения с азиатскими странами. В дальнейшем все правительства Японии, включая те, что возглавлялись относительно правыми политиками, подтверждали свою приверженность данному заявлению.

После Т. Мураямы резонансными были также высказывания премьер-министра Дз. Коидзути. Выступая в апреле 2005 г. в Джакарте на саммите стран Азии и Африки, японский лидер выразил свои извинения и заявил о, что Япония никогда не станет военной державой. А 15 августа 2005 г., в день принятия Японией Потсдамской декларации, Дз. Коидзути заявил о своем «смиренном признании» исторических фактов и «чистосердечном раскаянии»¹⁶.

Несмотря на неоднократное выражение японскими лидерами извинений, данная проблема продолжала постоянно возникать в отношениях Японии с соседями. Ясно, что устойчивость этого феномена нельзя объяснить только недостаточной искренностью раскаяния со стороны Японии. Это связано с тем, что стороны оценивают эту проблему с

разных позиций. Так, в Японии распространена точка зрения, что японские лидеры уже и так неоднократно извинялись за военное прошлое, а своей экономической помощью Китаю, Южной Корее и иным странам Азии Япония с лихвой искупила прошлые грехи, поэтому данную проблему можно считать исчерпанной. К тому же в Японии выросло уже новое поколение, которому не нужно извиняться за грехи своих отцов. Выражая эту точку зрения, депутат ЛДП С. Такаити в 1995 г. заявила в ходе дебатов по поводу резолюции, посвященной 50-летию окончания Второй мировой войны: «Поскольку я не являюсь частью поколения, прошедшего войну, я не испытываю чувства раскаяния»¹⁷.

Между тем для многих стран Азии, и прежде всего Китая и Южной Кореи, вопрос об извинениях стал дополнительной возможностью политического шантажа Японии с целью выторговать у нее определенные уступки в иных областях. Свою роль играют и экономические причины, а именно — более низкий по сравнению с Японией экономический статус. Осознание того, что в случае, если публичные высказывания японских официальных лиц по вопросам исторического прошлого будут содержать оскорбительный для них смысл, эти страны не смогут дать адекватного ответа (например, применив к Японии эффективные экономические санкции), по мнению японского исследователя Я. Онума, побуждало их таить в себе определенную неудовлетворенность даже в тех случаях, когда японская сторона подтверждала свое раскаяние¹⁸.

Ощущимое воздействие на отношения Японии со странами-соседями, и в первую очередь с Республикой Корея, оказывает еще одна проблема исторического прошлого — проблема т.н. «женщин комфорта». Ее суть заключается в том, что в ряде азиатских стран, пострадавших от японской агрессии, с требованиями компенсаций от японского правительства выступает группа женщин, которая в годы войны подвергалась насильственной сексуальной эксплуатации со стороны японских военнослужащих на т.н. «станциях комфорта» (по сути, в домах терпимости для военнослужащих), организованных при поддержке японских военных властей.

Имеются разные оценки количества женщин, вовлеченных в период Второй мировой войны в сексуальное рабство — от 20 тыс. до 200 тыс. и даже более. Значительную их часть составляли кореянки и филиппинки, хотя имелись представительницы других азиатских наций (Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Тайвань и иные территории, оккупированные японской императорской армией), а также некоторое количество европейских женщин (голландки и австралийки). «Станции комфорта» были расположены в Китае, Японии, Индонезии, на Филиппинах, Малайзии, Бирме, Таиланде, Новой Гвинеи, Французском Индокитае и других странах, входивших в период Тихоокеанской войны в зону военного контроля японской армии.

Проблема «женщин комфорта» актуализировалась только в начале 1990-х гг. Это было связано с несколькими причинами. Во-первых, в Китае, Южной Корее, на Тайване и некоторых других странах Восточной Азии в тот период стал наблюдаться подъем национального самосознания в связи с достигнутыми к тому времени экономическими успехами. Актуализация проблемы «женщин комфорта» явилась отражением всплеска «экономического национализма» в этих странах, а также усиления борьбы за экономическое и политическое лидерство в регионе, в ходе которой Япония начала утрачивать лидерские позиции. Выдвижение проблемы «женщин комфорта», таким образом, стало одним из средств давления на Японию в рамках ужесточающейся конкурентной борьбы.

Во-вторых, в 1990-е гг. в мире наблюдался рост интереса к проблемам прав человека, как в международных организациях, так и на уровне межгосударственных отношений. Проблема «женщин комфорта», таким образом, стала привлекать к себе внимание в широком контексте международного интереса к правозащитной тематике, ставшей неотъемлемой частью международно-политической повестки дня.

В-третьих, в связи с ростом значения популизма в политике проблема «женщин комфорта» обрела и внутриполитическое звучание, став в Южной Корее важным ресурсом для поддержания рейтингов действующей администрации.

Специфика проблемы «женщин комфорта» заключалась в ее гуманитарном характере, связанном с тем обстоятельством, что в живых к тому времени оставалось лишь несколько десятков кореянок, работавших на «станциях комфорта». Выдвижение данного вопроса в плоскости компенсационных выплат рассматривалось как последняя возможность отдать им дань уважения как специфической категории жертв военного времени.

Почему же проблема «женщин комфорта» фактически замалчивалась на протяжении нескольких послевоенных десятилетий? Это было связано не только с проводившейся странами-победительницами политикой «облегченной ответственности» Японии, о которой шла речь выше, но и с деликатностью и сложностью данной темы, связанными с тем обстоятельством, что для многих из «женщин комфорта» публичное обсуждение данного вопроса было чревато риском не просто «потери лица», но и острокизма со стороны собственных сограждан. Кроме того, правительства стран, которых представляли «женщины комфорта», не слишком охотно шли на выдвижение соответствующих претензий, так как не всегда признавали этих женщин жертвами, по крайней мере, в полноценном качестве (особенно это касалось правительства Южной Кореи, для которого категория «женщин комфорта» считалась не вполне «достойной» в списке социальных групп, пострадавших от насилия в годы войны). Играли роль и юридические моменты: после 1965 г., когда Япония и Южная Корея подписали ряд договоров, по которым стороны отказывались от взаимных претензий по итогам Второй мировой войны, «женщины комфорта», соответственно, уже не могли подавать иски о компенсациях.

В 1990 г. были опубликованы неопровергимые доказательства, свидетельствующие о причастности официальных властей Японии к практике привлечения женщин азиатских стран к оказанию сексуальных услуг японским военным¹⁹. Первый иск против правительства Японии был подан только в 1992 г., когда кореянка из числа «женщин комфорта» впервые дала публичные показания. В середине 1990-х гг. японский профессор Ё. Ёсими опубликовал ряд документов из японских военных архивов, доказывающих системный характер официальной поддержки практики «утешения»²⁰. На основании свидетельств корейских, китайских, тайваньских и филиппинских «женщин комфорта» дело было принято к рассмотрению в комиссии ООН по правам человека.

Реакция японского правительства была противоречивой: с одной стороны, из уст премьер-министра К. Миядзава в январе 1992 г. в адрес бывших «женщин комфорта» прозвучали официальные извинения, с другой — Токио дал понять, что условия японо-южнокорейского договора 1965 г. не дают никаких возможностей требовать компенсации в судебном порядке²¹. Наибольшую известность получило заявление генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно, который 4 августа 1993 г. официально признал, что японское правительство было прямо или косвенно вовлечено в дело организации и управления «станциями комфорта» и привлечения к работе там «женщин комфорта». Ё. Коно выразил тогда извинения за нанесенные жертвам «неизмеримую боль и неизлечимые физические и психологические раны».

Однако попытки японских властей решить вопрос о компенсациях южнокорейским жертвам на неофициальном уровне, используя для этого частные пожертвования, фактически провалились. Во многом этому способствовала позиция южнокорейского правительства, которое предложило еще более ощутимую компенсацию каждой жертве, которая откажется принимать деньги и письма с извинениями из Японии²².

В дальнейшем южнокорейские власти неоднократно поднимали проблему «женщин комфорта» на официальном уровне и критиковали японское правительство за нежелание рассматривать вопрос о выплате компенсаций. Например, в ходе встречи с японским премьер-министром Ё. Нода в декабре 2011 г. президент РК Ли Мён Бак подчерк-

нул важность решения проблемы «женщин комфорта» для развития двусторонних отношений, в ответ на что японский лидер, повторив тезис о том, что все вопросы о выплате компенсаций решены договором 1965 г., выразил готовность прилагать усилия для разрешения гуманитарного аспекта проблемы²³. Между тем в январе 2013 г. генеральный секретарь правительства Ёсихидэ Суга заявил, что власти пока не могут вынести однозначного решения относительно солидарности с заявлением Коно²⁴. В марте 2014 г. Ё. Суга заявил, что японское правительство будет придерживаться заявления Коно, но проведет собственное расследование относительно обстоятельств его появления, включая роль правительства Южной Кореи в его появлении, а также аутентичность свидетельских показаний «женщин комфорта»²⁵.

Свою остроту в списке проблем исторического прошлого сохраняет проблема визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни, где, как считается, покоятся души японцев, отдавших жизнь за свою родину. В храме имеется военно-исторический музей Юсюкан, экспозиция которого прямо и неприкрыто оправдывает японский милитаризм²⁶. Начиная с 2000-х гг. храм неоднократно посещали члены кабинета министров Японии, в том числе и премьер-министры. Например, Дз. Коидзуми в период своего пребывания у власти в 2001–2006 гг. посетил храм Ясукуни шесть раз, причем последний раз — в 2006 г. — сделал это 15 августа, в день принятия Японией Потсдамской декларации.

Бессспорно, для японских лидеров визит в храм Ясукуни имеет в первую очередь внутриполитическое звучание, позволяя обеспечить консолидацию базы электоральной поддержки, в которой значительное место занимают консервативные слои населения. Однако для окружающих Японию народов Восточной и Юго-Восточной Азии визиты представителей правительства в храм Ясукуни выступают однозначным свидетельством возрождения японского милитаризма. По мнению корейского исследователя Пак Чол Хи, «в глазах корейцев и китайцев данный ритуал может быть интерпретирован как политический жест, призванный оправдать военное и колониальное прошлое, так как в храме Ясукуни канонизированы военные преступники класса А»²⁷.

* * *

Задача борьбы с «признаками прошлого», особенно касающимися событий Второй мировой войны, прочно закрепилась в списке внешнеполитических приоритетов Токио. Одной из главных задач оновской дипломатии Токио стало устранение из Устава ООН «несправедливого» тезиса о «враждебных государствах». Негативно реагирует Япония на попытки привлечь международное внимание к различным событиям Тихоокеанской войны, в которых японский милитаристский режим предстает в неприглядном свете. Например, крайне нервно реагировали в Токио на решение России об установлении памятной даты окончания Второй мировой войны, на информацию о планах России провести совместно с Китаем празднование юбилея окончания Второй мировой войны и т.д.

Особенно отчетливо этот аспект внешнеполитического курса обозначился после прихода к власти в декабре 2012 г. второго кабинета Абэ. Одним из основных тезисов, выдвинутых С. Абэ в период предвыборной борьбы, был лозунг «покончить с послевоенным режимом», т.е. всеми законодательными и иными ограничениями, определявшим в послевоенный период пацифистский статус Японии.

Обращает на себя внимание тот факт, что по вопросам исторического прошлого второй кабинет Абэ нередко проявлял достаточно двусмысленную, а иногда — и открыто ревизионистскую позицию. Так, в одном из своих публичных выступлений в апреле 2013 г. глава кабинета министров заявил об отсутствии четкого определения понятия «агрессия», добавив, что понятие «агрессии» еще подлежит определить научному сообществу²⁸. С. Абэ публично заявил о том, что правительство «не обязательно» разделяет позицию, изложенную в заявлении Мураяма. Эта же позиция была изложена в высказыва-

ниях главы Совета по политическим вопросам правящей ЛДП С. Такаити, которая заявила 12 мая 2013 г. о своем несогласии с заявлением Мураяма по той причине, что в нем используется слово «агрессия». «В то время (войны) считалось, что наш народ был вынужден вести решительную борьбу за собственное выживание», — отметила С. Такаити²⁹. Только перед лицом массовых протестов генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ был вынужден заявить, что правительство «полностью присоединяется» к заявлению Мураяма³⁰.

В другом своем публичном выступлении С. Абэ отрицал наличие достаточных доказательств существования практики насилия и рекрутования корейских женщин в «станции комфорта»³¹. Примером эпатажного поведения С. Абэ стала его фотосессия за штурвалом японского военного самолета с цифрами 731 на фюзеляже, вызывающими зловещие ассоциации с японским Отрядом 731, занимавшимся в годы Второй мировой войны разработкой бактериологического оружия в Манчжурии. В декабре 2013 г. С. Абэ посетил храм Ясукуни, что вызвало резкую реакцию не только со стороны азиатских стран-соседей, но и Соединенных Штатов, которые выразили свою «озабоченность» по поводу поведения японского лидера.

Во многом по причине неурегулированности проблем исторического прошлого дипломатические, экономические, культурные и иные контакты Японии с Китаем, Республикой Корея и многими странами Юго-Восточной Азии продолжают развиваться с большим трудом. Однако нельзя отрицать и то, что тема исторического прошлого используется Китаем и Южной Кореей в собственных политических интересах.

Особенно активно использует «историческую карту» Китай. Жестко критикуя позицию Японии за неуступчивость по вопросу о принадлежности островов Сэнкаку/Дзяоюйдао, за визиты в храм Ясукуни, за «ревизионистские» высказывания по вопросам исторического прошлого, Пекин с 2012 г. отказывается от проведения двусторонних встреч на высшем уровне. Проблемы исторического прошлого заняли прочное место во внешнеполитическом инструментарии Пекина для дискредитации Японии на международной арене как страны, «недостойной» претендовать на роль глобального политического лидера, поскольку она не продемонстрировала в должной мере свое «покаяние» за прошлые грехи и активно проводит политику «возрождения милитаризма». Как отмечал японский исследователь Т. Хосияма, «историческая карта» в руках Китая является не просто средством оказания давления и проведения пропаганды в отношении Японии. Это еще и международная карта, призванная ухудшить имидж Японии и способствовать продвижению дипломатического курса Китая в соответствующих областях»³².

Фактически заморожен был политический диалог между двумя странами и южнокорейским руководством, недовольным опять-таки визитами в храм Ясукуни, а также отсутствием прогресса в деле решения проблемы «женщин комфорта». Так, двусторонних контактов на высшем уровне не проводилось в период с 2005 по 2009 гг. и в период с 2012 по 2014 гг. Сильно пострадали наметившиеся в свете обострения проблем Корейского полуострова японо-южнокорейские связи в области безопасности. Заложником сложившейся ситуации стали и трехсторонние форматы сотрудничества: в 2012 г. был приостановлен переговорный процесс по вопросу о формировании трехсторонней зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

Наличие больших проблем в установлении взаимопонимания показали и попытки найти общий взгляд на историю и наладить взаимодействие на академическом уровне. В 2001 г. между правительствами Японии и Южной Кореи была достигнута договоренность о создании специальной совместной экспертной комиссии по вопросам истории двусторонних отношений. Деятельность комиссии позволила ввести в научный оборот большое количество новых исторических документов. Однако в подготовленном к июню 2005 г. заключительном докладе были выявлены принципиальные различия в позициях сторон, особенно по вопросам колониального прошлого Кореи³³. Различия в подходах к

различным аспектам истории военного и послевоенного периодов продемонстрировали результаты трехлетней работы комиссии историков Японии и КНР, образованной в 2006 г. на основе договоренности, достигнутой на межправительственном уровне. Несогласие сторон особенно сильно проявилось в вопросах оценки количества жертв «Нанкинской резни»³⁴.

Проблемы исторического прошлого в обозримом будущем будут продолжать определять общую напряженную атмосферу международных отношений на Дальнем Востоке. Несмотря на постепенную смену поколений, которая, казалось бы, должна только ослаблять «историческую память», можно ожидать, что с течением времени степень актуальности этих проблем снижаться не будет. Главная причина этого заключается в том, что проблемы прошлого в принципе не могут быть решены путем дипломатических переговоров между странами, поскольку на кону стоят вопросы национальной идентичности, национальной гордости и национального достоинства. Это обстоятельство неизбежно будет вносить коррективы в развитие политической и даже военно-стратегической обстановки в регионе, препятствуя формированию эффективных многосторонних механизмов обеспечения международной безопасности.

1. *Moore G.J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science.* 2010. No. 15. P. 289.
2. *Ibid.*
3. *Lawson S., Tannaka Seiko. War memories and Japan's 'normalization' as an international actor: A critical analysis // European Journal of International Relations.* 2011, № 17. P. 411.
4. *Onuma Yasuaki. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law.* 2002. № 20. P. 601.
5. Подтверждением этому стала подчеркнуто антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кын Хе, вынужденной демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя».
6. *Horvat A. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia // The Brown Journal of International Affairs.* 2004. V. 11, Issue 1. P. 143.
7. *Bukh A. Japan's history textbook debate: National identity in narratives of victimhood and victimization // Asian Survey.* 2007. № 47(5). P. 690.
8. *Kersten R. Revisionism, reaction and the 'symbol emperor' in post-war Japan // Japan Forum.* 2003. № 15(1). P. 19.
9. См., например: *Onuma Yasuaki. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law.* 2002. № 20. P. 604.
10. Асахи симбун. 2011. 18 авг.
11. *Onuma Yasuaki. Op. cit.* P. 604.
12. *Japan as a 'Normal Country': a Nation in Search of its Place in the World / Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch.* University of Toronto Press, 2012. P. 78.
13. Кунадзе Г.Ф. Япония и Китай: бремя «особых отношений» // Японский калейдоскоп. М., 2006. С. 232.
14. Там же.
15. Цит. По: *Japan Times.* 2012. 15 aug.
16. *Moore G.J. Op. cit.* P. 290–292.
17. Асахи симбун. 15.05.2013. 15 мая.
18. *Onuma Yasuaki. Op. cit.* P. 603.
19. *Horvat A. Op. cit.* P. 142.
20. Ёсими Ёсиаки. Дзюгун ианфу [«Женщины комфорта» в армии]. Токио, 1995.
21. *Lawson S., Tannaka Seiko. Op. cit.* P. 416.
22. *Horvat A. Op. cit.* P. 142.
23. Япония в поисках новой глобальной роли. М., 2014. С. 249.

24. Асахи симбун 2013. 5 янв.
25. Асахи симбун. 2014. 12 марта.
26. Подробно см.: Гринюк В.А. Политические проблемы храма Ясукуни // Пробл. Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 48.
27. Park Cheol Hee. The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan: Theoretical Expectations and Empirical Realities // Japanese Journal of Political Science. 2009. Vol., Issue 03. Dec. P. 257.
28. Асахи симбун. 2013. 15 мая.
29. Там же.
30. Там же.
31. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html>.
32. Hoshiyama Takashi. New Japan — China Relations and the Corresponding Positioning of the United States — History, Values, Realism in a Changing / World Asia-Pacific Review. 2008. Vol. 15, № 2. P. 84.
33. Japan as a «Normal Country»: a Nation in Search of its Place in the World / Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 175.
34. The Japan Times. 2010. 21Jan.